

Культурный капитал

Почему любители оперы зарабатывают больше любителей поп-музыки?

Михаил Соколов,

кандидат социологических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований

Существует много исследований, которые показывают, что в большинстве стран люди, которые много активно участвуют в потреблении высокой культуры (ходят в оперу, разбираются в живописи, могут поговорить о литературе и кинематографе), более успешны в жизни, чем те, кто этого не делает. Они, в среднем, удачнее женятся и удачнее выходят замуж — и в том смысле, что более счастливы в браке, и в том, что их партнеры зарабатывают больше денег. У них более благополучная карьера. Они здоровее и живут дольше. И все это — даже по сравнению с менее культурными детьми из того же примерно [социального слоя](#), с которыми они ходили в одну и ту же школу и один и тот же университет.

Есть две теории о том, почему «культурность» — слово, которое означает практически то же, что социологический термин [«культурный капитал»](#) — оказывает столько благотворное воздействие. Согласно одной из них, психологической, культурный капитал просто сигнализирует о каких-то важных характеристиках индивида. Например, интерес к живописи и поэзии связан с интеллектом. Чем человек умнее, тем шире круг его интересов, и тем ему интереснее, в частности, искусство. С другой стороны, чем он умнее — тем больше шансов, что он добьется успеха в жизни. Это теории предполагает, что, хотя никакой прямой связи между вкусом к поэзии и карьерой нет, зная, что кто-то ради собственного удовольствия переводит Рильке, можно делать ставки на то, что и в профессиональной жизни он будет успешен. Талантливые люди талантливы во всем.

Все было бы хорошо, если бы не два обстоятельства. Во-первых, связь между интеллектом и культурным капиталом, измеренная с помощью тестов и анкет, оказалась слабой или вообще незначимой. Во-вторых, содержание культурного капитала быстро меняется. Так, чтобы сойти за культурного человека, старшее поколение в России обязано было разбираться в балете, а нынешнее — в артхаусном кино. Если и то, и другое — просто сигнал, сообщающий об интеллекте, то как почему происходит такая смена курса? И, кроме того, почему в культурный капитал в современном мире не входит то, что вроде бы наиболее прямо сигнализирует об умственных способностях, например, знание математики? Сегодня можно признаться в хорошем обществе, что ничего не понимаешь в дифференциальном исчислении (да и что таблицу умножения забыл — тоже, в общем, можно), и это сойдет с рук, но перепутать Моне с Мане — это смертный приговор.

Зачем человеку-хищнику оперный театр

Есть вторая теория, социологическая, объясняющая, как связана опера и успешная карьера. Первый социолог, который попытался проследить, как активное потребление высокой культуры связано с жизненным успехом, был американец норвежского происхождения Торстейн Веблен, который рассматривал искусство как элемент образа жизни праздного класса. У Веблена была теория о том, что в каждую эпоху есть класс-хищник, члены которого каким-то образом оповещают других хищников о своих успехах. Вначале есть воинствующий класс, который просто отнимал у других средства к существованию. Принадлежность к этому классу определялась тем, что его члены могли существовать на награбленное. Но доказывать другим, что вы на самом деле к этому классу принадлежите, чревато неприятными последствиями, потому что если каждый хищник будет на поле боя доказывать свою принадлежность к классу, они неизбежно истребят друг друга. Однако хищники быстро открывают для себя, что совершенно не обязательно выходить на поле боя, чтобы распознать своего. Можно просто показать, сколько вы уже награбили. Когда вы демонстрируете кучу золота, все видят, насколько вы успешны в хищническом качестве. Так в эпоху Великого переселения народов, у каждого из франкских, вестготских, бургундских или других варварских королей была казна. Золото из этой казны не расходовали ни на какие цели, кажущиеся нам сегодня осмысленными, но возили с собой и при каждом удобном случае демонстрировали. Оно было символом силы и удачи своего обладателя. Если враг после проигранной битвы захватывал обоз с казной, это было страшно не тем, что потерявший золото беднел, а тем, что от него отворачивались бывшие соратники, чувствовавшие, что и боги войны от него отвернулись.

Потом классом-хищником стал капиталист. Для этого класса-хищника деньги — это основной его ресурс, как для варварского короля — военная сила. Варвар заставляет работать на себя угрозами, капиталист навязывает заведомо невыгодные условия труда на якобы свободном рынке. Способность зарабатывать деньги — это показатель успешности нового класса-хищника, но возить их с собой на телеге становится уже сложно. И тогда на помощь приходит «культура праздности». Именно поэтому успешные «хищники» и особенно их дети в нашем мире занимаются вещами, которые заведомо бесполезны, и заведомо ни о чем не сигнализируют: классическая филология, история искусства, философия... И чем больше лет в жизни вы можете посвятить таким вещам, тем выше вы стоите в обществе. Крестьянин или пролетарий не могут позволить себе отправить взрослого сына или дочь в школу, тем более, в колледж. Бедные растят детей для того, чтобы те их обеспечивали в наступающей старости (Веблен писал во времена, когда никакого всеобщего пенсионного обеспечения в Штатах, естественно, не было), а [старость](#) при их образе жизни

наступает рано. Позволить себя взрослого иждивенца бедная семья не сможет, даже если захочет. Добровольно отказаться от дополнительной рабочей силы может только сравнительно процветающее домохозяйство. Но и тут люди победнее хотят, чтобы их дети изучали что-то практическое, вроде инженерного дела, права или медицины. И только совсем богачи согласны на классическое образование, которое заведомо не приносит никакого дохода. В капиталистических обществах самый высший класс характеризуется не просто богатством, а потомственным богатством. Членство в нем требует не денег вообще, а старых денег, таких, которые переходят по наследству много поколений. Отсюда архаизм в быту – свидетельства обеспеченности предков – и запрет на всякое образование, которое может принести непосредственную пользу. Это показывает, что индивид ничего не добился сам, а, значит, все, что имеет, унаследовал. Есть прекрасное исследование классовой системы обобщенного американского городка 30-40х годов Ллойда Уорнера, в котором показано, как вера американцев в возможность сделать самих себя парадоксальным образом соседствовала тогда с почтением к старой аристократии и презрением к тем, кто только что выбился из низов. «Янки-сити» (в действительности, Ньюберрипортом, штат Массачусетс), правила наследственная элиты, по большей части происходящая от капитанов XVII-XVIII веков, которые занимались океанской торговлей еще в колониальные времена. Ее члены не были самыми богатыми людьми и не всегда возглавляли муниципалитет, но никто не сомневался в их доминировании, и все нувориши втайне мечтали, что если не они сами, то их дети и внуки войдут в эту высшую касту. Одна из частей «Янки-сити» как раз посвящена культурному конфликту, возникшему вокруг нового мэра города, Бигги Малдуна, ирландского мигранта, сколотившего состояние честным трудом и сделавшего политическую карьеру, но отказавшегося признать превосходство элиты с Хай-стрит, сохранившего замашки простого работяги и высмеивавшего людей, не работавших ни дня в жизни. Чувства большинства жителей городка были двойственны, но в конечном счете Малдун проиграл. Человек, который реализовал американскую мечту, обнаружил, что втайне Америка мечтала совершенно о другом – она боготворила не поднявшихся из грязи, а тех, кто никогда этой грязи не касался. Великий Гэтсби открыл для себя то же самое, хотя он и пытался играть по правилам и даже покупал для своей библиотеки настоящие книги, а не декоративные переплеты.

Праздник класс проявляет себя не только во вкусе к бесполезному образованию. Та же установка проявляется в отношении к интерьеру, одежде, женской красоте. Везде непрактичное и бесполезное ставится выше практичного и полезного. Более того, праздничный класс транслирует свой вкус вокруг себя. Естественно – говорит Веблен – алюминиевая ложка ничем не хуже серебряной. Но в нас воспитан вкус, который заставляет нас любить серебряную. Этот вкус заставляет нас смотреть на людей, которые родились с такой ложкой во рту, снизу вверх.

Композиция культурного капитала — во Франции, США и других местах

Выражаясь более современным социологическим языком, культурный капитал сигнализирует о принадлежности к статусной группе, к определенному слою общества, в который вы должны быть допущены, чтобы получить доступ к наиболее ценным социальным ресурсам. Ее члены заводят друзей и ищут супругов среди себе подобных. Внутри нее же циркулирует информация о наиболее привлекательных экономических возможностях. Эта группа охраняет свои границы за счет престижного культурного потребления, за счет того, что люди ходят в оперу и читают книги. Когда они встречаются с человеком не своего круга, они его отталкивают, и делают это с чистой совестью – ведь они чувствуют, что ими движет не стремление монополизировать доступ к экономическим — благам, а похвальные рефлексы культурного человека. Монополизация все равно происходит, но она происходит как бы сама собой, без всякой задней мысли.

Исторически культурный капитал современного типа в западных обществах появляется в Ренессансной Италии в XV веке. До него интерес к высокой культуре в нашем смысле слова встречается время от времени, но воспринимается скорее как личная причуда, не как что-то принудительное. Мы узнаем между делом, что один из английских епископов в XIII столетии собирал античные статуи, и страшно сетовал, когда корабль, везший из Италии пополнения для его коллекции, затонул. Летописец сообщает об этом не то, чтобы с неодобрением, но с некоторым отстраненным непониманием. После XVI века его мотивы уже не вызвали бы ни у кого в западнохристианской Европе изумления. Единая высокая культура, частью которой является восхищение изящными искусствами вообще, и античностью — в особенности — распространяется по Европе. Ее границы отчасти начинают размываться только в XX столетии, да и то не везде. Во Франции, например, мы и сегодня находим традиционную высокую культуру почти в полной неприкосновенности. «Культурный капитал» как термин ассоциируется сильнее всего с французским социологом по имени Пьер Бурдьё, который с помощью этого понятия пытался решить большую марксистскую загадку: как получается, что дети богатых становятся богатыми, а дети рабочего класса остаются рабочим классом, при том, что большинство состояний не наследуется, а школьная система построена так, что все ученики получают вроде бы совершенно одинаковое формальное образование? Бурдьё отвечает: есть культурный капитал, который транслируется очень рано. Дети из французского высшего класса приходят в школу умея читать и писать, причем некоторые учились читать по Прусту. Учителю, естественно, с ними легко и приятно. Совершенно невольно, он выделяет их как способных и даже блестящих. Они становятся любимцами, им уделяется больше внимания, они хорошо справляются с экзаменами и выходят с прекрасными аттестатами. В итоге они идут дальше по жизни с полным ощущением, что они всего добились сами, и в общем — все в это верят. И дети рабочего класса, которые учились в той же самой школе и не успевали, тоже думают, что те дети пробились, потому что они обладают большим дарованием.

История в других западных странах немного другая. Например, в Америке, которая была очень похожа до середины XX века на Европу, культурный капитал стал развиваться в другую сторону. Вместо

единообразного «хорошего вкуса» наиболее ценным свойством стала всеядность, про которой культурный человек может поддержать беседу с практически любым собеседником. Во Франции говорить о Модильяни — правильно и хорошо, о Клее — еще лучше, а вот признаваться, что вам нравится местный аналог Айвазовского — лучше не надо. В Америке идеально, когда вам нравится и Модильяни, и Клее, и местный аналог Айвазовского, и сам Айвазовский (вдруг нужно будет поддержать беседу с русским?), а также какое-то количество фолк-живописцев (вдруг надо будет коммуницировать с Native American?) Потому что в этом случае — с кем бы вы ни столкнулись — в вас почувствуют родственную душу.

Что случилось в России? Судьбы интеллигенции сквозь призму теорий стратификации

Большая загадка — это то, что происходит в России сегодня. В позднем Советском Союзе культурный капитал использовался так же, как во Франции. Была группа, обозначавшая себя как интеллигенцию, и гордившаяся, если могла похвастаться многими поколениями образованных предков. Образование заменяло ей деньги. Старых денег, разумеется, ни у кого не было (а новые, если они и были, демонстративно расточать не представлялось возможным), но вот старое образование кое у кого имелось, и афишировать его не воспрещалось. Отдельные представители этой группы стихийно развили аналогию со старыми деньгами еще дальше, настаивая на том, что принадлежность к интеллигенции определяется очень ранним воспитанием, и подлинный интеллигент — это тот, чье образование остановилось еще в средней школе, а культурность закреплена на уровне рефлексов. Интеллигенция очень строго оберегала свои границы. Тому, кто хотел сойти за своего в ее кругу, надо было постоянно готовить себя к необходимости выдерживать долгие изнурительные разговоры о вокальных данных певиц из Мариинки. Очевидное отличие от Франции состояло в том, что интеллигенция не включала в себя политическую и административную элиту, и вообще не была — и уже точно не чувствовала себя — доминирующей социальной группой. Культурность могла обеспечить вращение в кругу людей, которые при случае предложили бы вам работу в музее или НИИ — но, скорее всего, не в обкоме. Тем не менее, складывается впечатление, что между административно-экономической элитой и интеллигенцией намечалось явное тяготение — дети второй, по крайней мере, часто стремились оказаться в окружении первой. Восленский обнаружил среди детей членов сталинского Политбюро директоров библиотек и театральные режиссеры. Кто знает, что было бы, если бы СССР просуществовал еще лет тридцать. Несмотря на спорадические попытки советской власти стереть различия между умственным и физическим трудом, в реальности образовательная система и высокая культура в СССР все больше работали как машины классового воспроизводства, и работали они на интеллигенцию. На самых желанных факультетах самых недоступных вузов учились блатные дети двух видов — дети номенклатуры и дети преподавателей этих вузов и их интеллигентных друзей. А ничто так не способствует сближению, как совместные годы студенчества.

Но в 90-е годы распространилось ощущение, что культурный капитал стремительно теряет значение, которое он имел прежде. Было ли это так на само деле — опять же, до сих пор покрыто тайной. Данные по другим постсоветским странам (самые масштабные исследования проводились в Венгрии) демонстрируют, что там группы, приобретшие к высокой культуре, пережили трансформационный период куда благополучнее большинства прочих. Они быстрее находили новую работу, их дети чаще выбивались в новые элиты, и ощущение от десятилетий кризиса у них было менее тягостным. Венгерский опыт, разумеется, нельзя автоматически проецировать на Россию. Тем не менее, похоже, что российская ситуация развивается в сторону конвергенции со всеми прочими. После периода потери интереса к нему, непрактичное высшее образование вновь начинает пользоваться спросом. Самые дорогие специальности в Москве и Петербурге в последние годы — уже не экономика и юриспруденция, а экзотические гуманитарные программы типа востоковедения. Те отрывочные российские данные, которые существуют в отношении жизненных траекторий, также показывают, что обладатели высокого культурного капитала по-прежнему в среднем преуспевают больше других, хотя это не вполне осознается ими самими. Советскую и постсоветскую интеллигенцию роднит склонность преувеличивать драматизм своего социального положения. Что, впрочем, не нивелирует значение культурного капитала, но делает его только действеннее. Главная хитрость дьявола классового воспроизводства состоит в том, чтобы убедить всех, что его не существует — или, хотя бы, что он таится не там, где его надо искать в действительности.

Литература:

Веблен, Торстейн. 1984 (1899). Теория праздного класса. Москва: Прогресс

Уорнер, У. Ллойд. 2000 (1959). Живые и мертвые: Исследование символической жизни американцев. С.-Петербург: Университетская книга

Bourdieu, Pierre, and Passeron, J.-C. 1990 (1977). *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage

DiMaggio, Paul and John Mohr. 1985. "Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection". *American Journal of Sociology*, 90:1231-1257.

Lamont, Michele, and Annette Lareau. 1988. "Cultural Capital: Allusions, Gaps and Glissandos in Recent Theoretical Development." *Sociological Theory* 6:153-68

Borocz, Jozsef and Caleb Southworth. 1996. "Decomposing the Intellectuals' Class Power: Conversion of Cultural capital to Income, Hungary, 1986" *Social Forces*, 74:797-821